

Наталья Бакирова

Наталья Бакирова родилась в 1975 г. в городе Заречном Свердловской области, живёт там же. Окончила Уральский государственный университет имени М. Горького по специальности «филология» (2004). Работала корреспондентом местной газеты, в настоящее время работает преподавателем Уральского технологического колледжа – филиала НИЯУ МИФИ. Выпускница Литературных курсов 2023 г.

Пишет прозу.

Рассказы публиковались в журналах «Новая Юность» (2016), «Сибирские огни» (2023), «День и ночь» (2023), «Роман-газета» (2023). Публикации в коллективных сборниках и альманахах: «Окраина» (2019), «Удивительные истории о бабушках и дедушках» (2020), «Рассказы и рассказы» (2022), «Путёвка в жизнь» (2023), «Мастера поэзии и прозы» (2023).

Лауреат международного конкурса-фестиваля «Русский Гофман» (2022, 2023), XI открытого международного конкурса им. В. Г. Короленко (2023).

Дом Рассказ

Печная дверца была приоткрыта. Разгорались, потрескивая, дрова; пахло дымом. Вдруг выстрелил уголёк: вылетел яростный, светящийся, алый – и на прибитом у изножья печилисте нержавеющейки погас, подёрнулся серым пеплом.

– А Пират меня узнал, даже не залаял! – похваталась Наташа, топая ногами, чтобы отпал снег.

Мать, глядя на неё, вытирала руки о фартук.

– В сенях-то не могла обтрястись? Для кого там веник стоит?

Раздевшись, Наташа достала из сумки подарок – колокольчик «музыка ветра», на тонких лесках прозрачные голубые дельфины:

– Это тебе, мам. Говорят, на счастье...

Отцу она вручила охотничий нож.

– Куда мне такой – на медведя ходить? – проворчал он.

Но глаза заблестели.

У родителей была новость – диван. Тёмно-серый, огромный, он занял полкомнаты, так что серванту пришлось убраться в дальний угол и обеденный стол подобрал ножки.

– Все деньги ведь ухнул! – пожаловалась мать. – На хобозину эту. А уж как его сюда затаскивали – чуть дверь не вынесли.

– Тыфу! – рассердился отец. – Тебе обсудить больше нечего? Дочь полгода не видела! Спроси вон лучше, может, она ещё три татухи себе набила. Лупить её в детстве было некому...

Мать поджала губы.

– Пойдём, Наталья, на кухню.

В кухне ноги стыли на ледяном полу, и Наташе пришлось надеть тапочки. Из комнаты послышались чужие напряжённые голоса: отец включил телевизор.

– Мам... – начала Наташа, но мать перебила.

– Представляешь, Филька ушёл! Ушёл куда-то, и всё нет и нет.

– Вернётся, куда он денется. Мам...

Ей показалось, что мать съёжилась, сжалась, боясь, что слова придадут реальности, уже осознаваемой обеими, окончательную плотность и вес.

– Давай чай поставим, – отводя глаза, предложила Наташа. – Я пирожные привезла.

– погоди ты с чаем, надо поесть нормально, – мать открыла холодильник, стала выставлять на стол банки, кастрюльки. – У меня всё готово, только салат сделать. На, морковку потри, – она сунула Наташе две очищенные варёные морковки и тёрку.

Продолжая шарить в холодильнике, спросила:

– Что нового у тебя?

– Да всё по-старому. Хожу по школам, объясняю детям, как надо жить.

– Сама бы ещё понимала... Когда уже молодой человек появится?

Наташа проехала пальцами по тёрке, торопливо слизнула выступившую на костяшке красную каплю.

– А вдруг уже появился?

– Не может быть! – мать повернулась с банкой рыбных консервов.

– Я тебе фотографию сейчас покажу!

Выскочила из кухни, вернулась с сумочкой.

– Вот!

– Хм... Обнимает тебя так нежно... А чего он в белом халате? Врач?

– Только отцу не говори. Пока не говори, ладно? Мать покачала головой. Протянула:

– Краса-авец... Гулять будет, как пить дать.

Отец! – возвысила она голос.

– Мама, я ведь просила!

– Отец! – ещё громче крикнула мать. – Можешь ты хоть раз что-то полезное сделать? Консервы открой!

– Сама-то – без сил? – донеслось из комнаты.
– Видишь, видишь, как он ко мне относится! – зашептала мать. – Ни о чём попросить нельзя.
– Давай консервы, я открою, – Наташа с усилием загнала в жестяную крышку консервный нож и принялась им орудовать, вращая банку.

В сенях послышалось шебуршание.
– Филюшка, детка! – мать побежала, распахнула дверь.

Появился упитанный серый кот. Повёл ушами, неторопливо обнюхал Наташины сапоги.

– Иди, птичка, покушай... – суетилась мать. – Вот молочко тебе... Попей, Филечка... Наталья, уйди из кухни! Он тебя не знает, не станет при тебе есть.

Наташа не ушла. Смотрела на кота, который, подойдя к блюдечку и опустив хвост, стал лакать молоко.

– Мама... А ведь отец очень похудел.

Руки. Больше всего в отце поразили руки. Всегда он был крупным, плотным, что при его росте воспринималось не как полнота, но как мощь, – а теперь кожа на руках сморщилась, обвисла, плечи оказались вдруг узкими, и это создавало впечатление беспомощности перед тем, что на него наступало.

Мать поджала губы.

– А я что сделаю! Похудел! Ты что, отца не знаешь – к врачу на аркане не затащишь!

– И всё-таки с ним надо поговорить.

– Да у меня уже сил никаких нет! Сама и говори, если хочешь.

Наташа после обеда и завела этот разговор тихонько, осторожно, но в ответ услышала:

– Так. Мартышка! Я сам знаю, что мне делать. Яйца курицу не учат.

Отец сделал злодейское лицо и сложил пальцы, как будто собираясь вlepить ей щелбан. Она с облегчением – кажется, всё ещё не так плохо! – рассмеялась. Ну ладно, папочка! Вот выйду замуж за доктора, за всё тебе отомщу...

Приехала «с местичка»*. Отец вынес в прихожую три деревянных табурета, на которых лопалась от старости бледно-голубая краска. На один тут же вскочил любопытный Филька, поэтому мать села прямо на порог.

– Как же так? И не поговорили толком... – отвернулась, вытерла глаза.

Высморкалась в какую-то серую тряпку.

Отец поехал провожать на вокзал. Других пассажиров не было, они стояли на перроне вдвоём. Валил крупный снег. При свете единственного на станции фонаря смурый мужик в низко надвинутой шапке расчищал перрон большой деревянной лопатой.

Отец, порывшись в кармане, достал юбилейную десятирублевую монету:

– На, вроде ты собираешь.

– Спасибо, пап...

– Смотри там... Школьники тебя не обижают?

– Что ты, они хорошие.

– Звони почаще – мать переживает.

– А вы тут не ссорьтесь...

С грохотом, светом и свистом подлетел поезд.

В купе Наташа сдвинула в сторону жёсткую занавеску. Падавший снег в конусе света от фонаря казался светло-оранжевым. Отец стоял под оранжевым снегом: ждал. Замёрзнет ведь! И автобус пропустит – а от станции до дома девять километров... Она постучала в стекло, махнула рукой: «Уходи!». Отец стоял.

Наконец вагон дёрнулся и поплыл.

И отец, и фонарь медленно отъехали назад, скрылись из глаз. Потом постепенно исчезли все привокзальные огоньки – оконное стекло делалось непроницаемо-чёрным. Уже нельзя было ничего разглядеть, даже снег. Но Наташа знала, что он, невидный, все метёт и метёт и несётся в сторону, обратную той, куда увозил её поезд.

---

* Уехать «с местичка» – присесть на дорогу; считается хорошей приметой.